

И. Р. Кузнецов

Иван Александрович Гончаров (1812-1891)

ГЛАВА ПЕРВАЯ Детство — «Путешествия» — Первые годы учебы — Московский университет — Возвращение в Симбирск..... 1

ГЛАВА ВТОРАЯ Петербург — Литературный кружок Майковых — Первые произведения — Странная история с «Обыкновенной историей» — Кружок Белинского — Успех «Обыкновенной истории» — Сотрудничество в журналах — Встреча с Гоголем — Начало работы над «Обломовым» — Замысел «Обрыва»..... 5

ГЛАВА ТРЕТЬЯ Неожиданное предложение — «Скорее, скорее в путь!» — на борту фрегата «Паллада» — «Авральная работа» — «Воздушные видения» — Опиум в Сингапуре — Япония и японцы — Через всю Россию в Петербург — Путевые очерки — «Фрегат “Паллада”» — Нелюбовь к морским путешествиям..... 8

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ Цензор Гончаров — Женские образы и их прототипы — Гончаров и «обломовщина» — Любовь в жизни Гончарова — Гончаров и Тургенев: почти детективная история — Цензура — Работа над «Обломовым»..... 12

ГЛАВА ПЯТАЯ Гончаров и наследник российского престола — Критические баталии вокруг «Обломова» — Илья Ильич Обломов и русская жизнь — Тема смерти у Гончарова — Увольнение со службы — Гончаров-актер..... 16

ГЛАВА ШЕСТАЯ Русский писатель и заграница — Дом Гончарова — Облик Гончарова — Главный редактор «Северной почты» — Генеральский чин — Мировая с Тургеневым — Пожар в Симбирске — Гончаров, Достоевский и рулетка — Ухудшение здоровья — «Обрыв» — «Лучше поздно, чем никогда» — Портрет и Мимишка..... 19

ГЛАВА СЕДЬМАЯ Три «Об» — «Милльон терзаний» — Воспитанники Гончарова — 50 лет в литературе — Полное собрание сочинений — Последнее произведение — «Прост и доброй душой незлобной» — «Сегодня ночью я видел Христа...»..... 23

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Детство — «Путешествия» — Первые годы учебы — Московский университет — Возвращение в Симбирск

Иван Александрович Гончаров происходил из старинного купеческого рода. Он родился в тихом волжском городе Симбирске 6 июня 1812 в каменном двухэтажном отцовском доме, стоявшем на Большой улице. Его отец Александр Иванович Гончаров, был зажиточным купцом, торговавшим главным образом хлебом, и весьма видным человеком в симбирском обществе, о чем говорит хотя бы тот факт, что жители Симбирска несколько раз выбирали его городским головой. Мать Гончарова, Авдотья Матвеевна (урожденная Шахторина), была моложе отца на тридцать лет. Через несколько дней после рождения, 11 июня, Ивана, как подобает, крестили.

По воспоминаниям современников, обстановка дома Гончаровых была вполне барской: «Большой зал с люстрой, нарядная гостиная с портретом хозяина и неизбежные диваны; на двор окнами — кабинет хозяина, спальня хозяйки и большая, светлая комната для детей». Сам Иван Александрович запомнил, что во дворе было множество построек, по нему бегали цесарки, павлины и всякая иная живность. Дворовые держали голубей, собак, иногда даже воронов или ястребов, не говоря уж о всяких канарейках или соловьях,

которых держали в барских комнатах. (Именно эти детские воспоминания во многом и легли потом в основу знаменитого «Сна Обломова».) Вот в такой благодатной обстановке и жил маленький Иван. Кроме него в семье был старший брат Николай и две младшие сестры — Александра и Анна.

На портрете, описанном одним из мемуаристов, отец Гончарова, Александр Иванович, изображен представительным мужчиной среднего роста, белокурым, с голубовато-серыми глазами и приятной улыбкой, лицом умным и серьезным, да еще и с медалями на шее — их наличие лишней раз подчеркивало значительность фигуры видного симбирского купца.

Мать, Авдотья Матвеевна, была женщиной умной и основательной. В семье сохранилось предание, что в молодости она обратила на себя внимание самого императора Александра Павловича, который танцевал с нею на купеческом балу. Она сама любила рассказывать детям и внукам об этом знаменательном событии, демонстрируя им старинные наряды из сундука. О матери Гончаров вспоминал с особой теплотой: «Мать наша любила нас не той сентиментальной, животной любовью, которая горячими ласками, баловством, потворством, угодливостью детским капризам портит детей. Она умно любила, неослабно следила за каждым нашим шагом и со строгой справедливостью разделяла свою материнскую любовь на всех четырех. Она была взыскательна и не пропускала без наказания или замечания ни одной шалости, особенно если видела, что в шалости кроется будущий порок, — тогда она была неумолима».

Когда Ивану было семь лет, умер отец. Чтобы помочь его вдове, часть забот по воспитанию детей взял на себя крестный Ивана, Николай Николаевич Трегубов.

Отставной моряк, Николай Николаевич поначалу был постояльцем в доме Гончаровых. Впрочем, будучи другом Александра Ивановича, он считался почти членом семьи. Он очень любил всех детей Гончаровых и те отвечали ему взаимностью. «Вся материальная часть пала на долю матери, отличной, опытной, строгой хозяйки. Интеллектуальные заботы достались ему».

Трегубов был высокообразованным, либерально мыслящим человеком, «редкой, возвышенной души, природного благородства и вместе добрейшего, прекрасного сердца». Его ум, живость характера привлекали к нему многих — вокруг него собиралось лучшее симбирское общество.

В воспоминаниях Иван Александрович Гончаров вывел своего наставника под именем Петра Андреевича Якубова и прямо писал о том, что тот фактически заменил ему отца. И дело было не только в материальных заботах, хотя все свое имущество и имения Трегубов завещал Авдотье Матвеевне и ее детям. Не менее важно то, что Трегубов был для маленького Ивана старшим другом, «преподававшим» ему те науки, которые не проходили в гимназии. Едва ли не главной темой рассказов Николая Николаевича была тема морская: «На корабле, как в тюрьме, вечно один. Слово вымолвить не с кем. А тут еще эти проклятые штормы, несносный штиль, экваториальное солнце жарит тебя, как в огне, а ты стоишь, ни с места. Зато, как поборешься со штормом да выйдешь победителем — ах, какой восторг! Вы, ходя по земле, представить себе не можете, что такое шторм на море, особенно в Индийском океане. Как начнет качать, да целые недели!.. и еду и сон — все забудешь...»

Трегубов выделял Ивана меж другими детьми: «Этот был мальчик живой, огонь. Бывало, как начнешь рассказывать что-нибудь из моих скитаний по белу свету, так он, кажется, в глаза готов впрыгнуть, так внимательно все слушает, да еще надоедает: «Крестный, скажи еще». Так, бывало, и пройдет весь день с ним в болтовне. Лет шести, верно, я выучил его грамоте, а уж и не рад, как он начал читать... Такой-то клопик заползает ко мне в библиотеку и торчит там до тех пор, пока насильно его вытащат есть или пить. Бывало, пойдешь полюбопытствовать, не заснул ли там мой сынок, — куда-с!.. Заглянешь в книжку к нему, — точит какое-нибудь путешествие... и тут же начнет лепетать: живо расскажет, что ему особенно понравилось. Больше всего любил он

морские путешествия: об них он всегда азартно мне рассказывал. Бывало, восторженный, бежит с Волги и кричит с улицы: «Крестный, я море видел! Ах, какая там большая, светлая вода прыгает на солнце! Какие большие корабли с парусами!» «Какое море твоя Волга! Ты теперь понять еще не можешь, какое большое бывает море», – ответишь ему. Так что вы думаете? Он целый день после того покою мне не даст: скажи да скажи, какой длины море бывает! А что я скажу ему, положим, о Великом океане, когда человек еще понятия не имеет, что такое аршин или вершок? А как скажешь ему, бывало, на ребячьи восторги его: «Ах, Ваня, Ваня, если б ты сделал со временем хоть одну морскую кампанию, то-то порадовал бы меня, старика», – так он ничего мне на это не ответит, задумается глубоко и молчит...» Трегубов так и не узнает, что Ивану суждено будет не просто совершить морскую кампанию, но участвовать в самом настоящем кругосветном путешествии...

Первоначальное образование Иван получил в частном пансионе священника Ф. Троицкого, в заволжском селе Репьевка, в имении княгини Е. Хованской. Там он выучил довольно прилично французский и немецкий языки и пристрастился к книгам, перечитав практически всю библиотеку, в которой «был и Державин, и Жуковский, и Тасс в тяжелом переводе... и старые романы, между ними, например, Стерна и «Ключ к тайнствам природы» и богословские сочинения... и, к счастью — путешествия в Африку, в Сибирь, и другие...». Это было время детства, вольное и свободное. Судя по всему, особых строгостей в пансионе не было. Иван Александрович вспоминал: «За мной никто не следил, что я делаю в свободное от уроков время, а я любил забиваться в угол и читал все, что попадалось под руку».

Летом 1822 года Иван был определен в Московское Коммерческое училище в число полных пансионеров, то есть на казенное содержание. В годы учебы его любовь к чтению не уменьшилась, но теперь он отдавал предпочтение русским авторам — Карамзину, Дмитриеву, Державину, Озерову, Хераскову, Пушкину. «И вдруг Пушкин! Я узнал его с «Онегина», который выходил тогда периодически, отдельными главами. Боже мой! Какой свет, какая волшебная даль открылась вдруг, и какие правды — и поэзии, и вообще жизни, притом современной, понятной, — хлынули из этого источника, и с каким блеском, в каких звуках! Какая школа изящества, вкуса, для впечатлительной природы!» Понятен восторг юного Гончарова, для которого Пушкин еще не был хрестоматийным автором, «изучаемым в школе». Пушкину в то время не исполнилось еще и тридцати лет. Он был невероятно молод и полон сил. Можно представить, какой необычайный восторг испытал Гончаров, увидев однажды Пушкина в церкви Никитского монастыря.

Коммерческое училище Гончаров не закончил в связи с осложнившимися семейными обстоятельствами — болезнью брата Николая и «расстройством коммерческих дел» семьи. Впрочем, сам Гончаров о прервавшейся учебе в коммерческом училище не жалел. Много лет спустя в письме к брату он признается: «По милости тупого и официального рутинера Тита Алексеевича мы кисли... 8 лет, 8 лучших лет без дела! А он еще задержал меня 4 года в младшем классе, когда я был там лучше всех, потому только, что я был молод, то есть мал, а знал больше всех».

Выйдя из купеческого звания, что давало право поступать в университет, а впоследствии на государственную службу, в августе 1831 Иван Гончаров подал прошение о приеме в Московский университет в число слушателей. В конце августа он держал приемные экзамены и приемной комиссией был признан способным к слушанию профессорских лекций на словесном отделении.

В июне 1834 определением Совета Московского университета за хорошие успехи и поведение Гончаров удостоен звания действительного студента словесного отделения. А в начале июля получил свидетельство об окончании словесного отделения Московского университета. В годы учебы в университете он слушал лекции замечательных профессоров, особенно выделяя среди них М.Т. Каченовского, С.П. Шевырева и Н.И. Надеждина (чертами последнего он наделил «профессора эстетики»

в «Обыкновенной истории»), часто посещал знаменитый Малый театр, словом, вел обычную студенческую жизнь. В университете же Гончаров вновь увидел Пушкина. Вместе с другими студентами он стал свидетелем горячего спора между поэтом и профессором Каченовским о подлинности «Слова о полку Игореве». «Я не помню подробностей их состязания, помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож... Пушкин говорил с увлечением, но, к сожалению, тихо, сдержанным тоном, так что за толпой трудно было расслышать. Впрочем, меня занимал не Игорь, а сам Пушкин».

Среди студентов-первогодков был и Лермонтов, «впоследствии знаменитый поэт, тогда смуглый, одутловатый юноша, с чертами лица как будто восточного происхождения, с черными выразительными глазами». Но Лермонтов с первого курса вышел и уехал в Петербург, так что познакомиться с ним Гончаров не успел.

К студенческим годам относится и первая публикация Гончарова — перевод двух глав из пятой книги романа Евгения [Эжена] Сю «Атар-Гюль», они вышли в журнале «Телескоп».

В очерке «В университете», написанном пятьдесят лет спустя, Гончаров так отзывался о нем: «Наш университет в Москве был святилищем не для одних нас, учащихся, но и для их семейств и для всего общества. Образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого. Москва гордилась своим университетом, любила студентов, как будущих самых полезных, может быть, громких, блестящих деятелей общества. Студенты гордились своим званием и дорожили занятиями, видя общую к себе симпатию и уважение. Они важно расхаживали по Москве, кокетничая своим званием и малиновыми воротниками. Даже простые люди, и те при встречах ласково провожали глазами юношей в малиновых воротниках. Я не говорю об исключениях. В разносословной и разнохарактерной толпе, при различии воспитания, нравов и привычек, являлись, конечно, и дурно воспитанные молодые люди, и просто шалуны и повесы. Иногда пробегали в городе — впрочем, редкие — слухи о шумных пирушках в трактире, о шалостях, вроде, например, перемены ночью вывесок у торговцев или задорных пререканий с полицией и т. п. Но большинство студентов держало себя прилично и дорожило доброй репутацией и симпатиями общества».

Летом 1834 Гончаров возвратился в Симбирск, где поступил на службу секретарем канцелярии симбирского губернатора А. Загряжского. Он волей-неволей окунулся в атмосферу жизни провинциального чиновничества с его мелкими интересами и запросами. Очень живописно и не без иронии Гончаров описал этот недолгий период своей жизни в очерке «На родине». И вправду, каково же было вчерашнему московскому студенту, гордому обладателю малинового воротника, оказаться в сонном и скучном городе, в котором не было даже театра и порядочной библиотеки! В карты Гончаров не играл, так что из развлечений ему оставались лишь губернские балы да визиты в дома симбирских обывателей, где на него, конечно же, в первую очередь посматривали как на жениха. Службой он сильно тяготился, ибо взятки брать не умел и не желал, а любая инициатива никому здесь была не нужна.

Единственное, что его по-настоящему спасало, — это уют родного дома и любовь близких. Но одного этого молодому Гончарову было уже недостаточно.

И в начале мая 1833 он отправляется в Петербург, столичный град, средоточие тогдашней русской жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Петербург — Литературный кружок Майковых — Первые произведения — Странная история с «Обыкновенной историей» — Кружок Белинского — Успех «Обыкновенной истории» — Сотрудничество в журналах — Встреча с Гоголем — Начало работы над «Обломовым» — Замысел «Обрыва»

Будучи человеком небогатым, Гончаров, естественно, вынужден был определиться на службу. В мае 1835 он поступил в Департамент внешней торговли Министерства финансов в качестве переводчика и получил чин губернского секретаря.

В Петербурге Гончаров стал завсегдатаем в литературном кружке Майковых, где познакомился со многими литераторами — В. Бенедиктовым, И. Панаевым, М.А. и Е.А. Языковыми. О семействе Майковых следует сказать особо. Для молодого Гончарова эта семья стала едва ли не родной.

Началось все с того, что Ивана Александровича пригласили преподавать российскую словесность, этику и латынь Валериану, одному из сыновей Николая Аполлоновича Майкова, академика живописи, участника войны 1812 года. До Майковых был помосковски хлебосольным: всего год прошел, как они перебрались из Москвы в Петербург. Но, конечно же, не только сытные обеды привлекали в их дом Гончарова и множество других молодых и не очень молодых литераторов и деятелей искусств. В доме царила атмосфера любви к поэзии и музыке, живописи и театру. Не случайно старший сын Аполлон Николаевич стал крупным поэтом, не были обделены способностями и другие дети.

«В этом кругу никогда не происходило пошлых разговоров, не сообщалось двусмысленных анекдотов, никто не осуждался, никто не осмеивался; а между тем всем было весело, привольно, занято, и постоянные посетители неохотно брались за шляпы в три часа ночи, чтобы отправиться восвояси», — вспоминал современник. Какое разительное отличие от той сонной, «обломовской» атмосферы провинциального Симбирска, которая так угнетала Гончарова еще совсем недавно! В этом гостеприимном доме литераторы читали вслух свои новые произведения, которые тут же живо обсуждались присутствовавшими, как, впрочем, обсуждались и все сколько-нибудь значительные события петербургской культурной жизни.

В литературном кружке Майковых выпускался рукописный журнал «Подснежник». Именно в нем увидели свет первые оригинальные литературные опыты Гончарова — стихотворение «Отрывок из письма к другу», повесть «Нимфодора Ивановна» и другие. Параллельно он много занимался переводами — из Гете, Шиллера, причем не по заказу какого-то конкретного издания, а что называется для себя.

Примерно в это же время произошла еще одна случайная встреча с Пушкиным — в книжной лавке Смирдина. Однако познакомиться с великим поэтом Гончаров так и не успел.

Гибель Пушкина стала для Гончарова большим ударом: «Вдруг пришли и сказали, что он убит, что его более нет... Это было в департаменте. Я вышел в коридор и горько-горько, не владея собою, отвернувшись к стенке и закрывая лицо руками, заплакал... Тоска ножом резала сердце, и слезы лились в то время, когда все еще не хотелось верить, что его уже нет, что Пушкина нет! Я не мог понять, чтобы тот, перед кем я склонял мысленно колени, лежал бездыханен. И я плакал горько и неутешно, как плачут по получении известия о смерти любимой женщины. Нет, это неверно — о смерти матери».

Петербургская жизнь Гончарова шла словно бы в двух параллельных мирах. С одной стороны, он довольно быстро продвигался по служебной лестнице, получал новые чины. с другой — продолжал с усердием заниматься литературой: написал повести «Лихая болезнь», «Счастливая ошибка», очерк «Иван Саввич Поджабрин», работал над романом «Старики», который, впрочем, так никогда и не закончил.

Но пока что это были лишь первые литературные опыты, к которым сам Гончаров относился достаточно критично. Однако уже в 1844 он задумал роман «Обыкновенная история», над которым работал в течение следующих двух лет.

Почему-то с литературными произведениями молодых авторов чаще всего случаются всякие казусы. Так произошло и с «Обыкновенной историей». Гончаров, прочитав на одном из литературных вечеров несколько глав из первой части романа, отдал рукопись М. Языкову для передачи В. Белинскому. Языков пролистал несколько страничек, которые его не слишком-то заинтересовали, и отложил рукопись, что называется, в долгий ящик. Лишь через год, вспомнив о ней, он пренебрежительно заявил Некрасову: «Кажется, плоховато. Не стоит печатать».

Возможно, срок «забвения» «Обыкновенной истории» несколько преувеличен, да и вообще об этом можно было бы вспоминать лишь как о литературном анекдоте, если бы за всем этим не прочитывалось тогдашнее отношение Гончарова к собственному творчеству. Автор, уверенный в своем литературном таланте, едва ли мог столь долго не беспокоиться о судьбе своего произведения. А ведь речь идет о романе, о котором спустя десять лет после выхода из печати Л. Толстой напишет: «Вот где учишься жить. Видишь различные взгляды на жизнь, на любовь, с которыми можешь ни с одним не согласиться, но зато свой собственный становится умнее и яснее».

Спустя какое-то время рукопись у Языкова Некрасов все же забрал и тут же передал Белинскому, рассказав всю предшествующую историю. Белинский же пригласил автора к себе на квартиру у Аничкова моста, чтобы тот сам прочитал свое произведение. Современник, которому довелось присутствовать на этом чтении, вспоминал: «Белинский все с более и более возрастающим участием и любопытством слушал чтение Гончарова и по временам привскакивал на своем стуле, с сверкающими глазами, в тех местах, которые ему особенно нравились. В минуты роздыхов он всякий раз обращался, смеясь, к Языкову и говорил:

— Ну что, Языков, ведь плохое произведение — не стоит его печатать?..»

Если не считать этой анекдотичной истории, случившейся с первым романом Гончарова, то все последующее удивительным образом напоминало произошедшее с Федором Михайловичем Достоевским, который стремительно ворвался со своими «Бедными людьми» в живой литературный процесс тогдашней России. Гончаров стал постоянным участником кружка Белинского, где встречались самые видные литераторы того времени: П. Анненков, К. Кавелин, Д. Григорович, Ф. Достоевский. На эти встречи приезжали и московские друзья Белинского — В. Боткин, А. Герцен, Н. Огарев.

Таким образом, еще практически не печатавшийся Гончаров стал широко известным в узких литературных кругах. Предприимчивый Н. Некрасов приобрел рукопись «Обыкновенной истории» для своего журнала. И вот в мартовском номере «Современника» за 1847 первая часть романа «Обыкновенная история» увидела свет. Буквально через несколько дней В. Белинский сообщил В. Боткину: «Повесть Гончарова произвела в Питере фурор — успех неслыханный! Все мнения слились в ее пользу... Действительно, талант замечательный. Мне кажется, что его особенность, так сказать личность, заключается в совершенном отсутствии семинаризма, литературщины и литераторства... У Гончарова нет и признаков труда, работы; читая его, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерский изустный рассказ. Я уверен, что тебе повесть эта сильно понравится. А какую пользу принесет она обществу! Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму».

В апреле вышла из печати и вторая часть романа. С одобрением встретили его многие критики.

Однако в газете «Северная пчела» появилось несколько резко отрицательных откликов, в том числе и Фаддея Булгарина. «Обыкновенная история», как утверждала газета, «это не повесть, а скорее холодное рассуждение в лицах на заданную тему...». Впрочем, на то она и «пчела», чтобы кусаться.

В то же время один из самых тонких критиков, Аполлон Григорьев, объявлял «Обыкновенную историю» «может быть, лучшим произведением русской литературы со времени появления «Мертвых душ», произведением, по простоте языка достойным стать после повестей Пушкина и почти наряду с «Героем нашего времени» Лермонтова, а по анализу и меткому взгляду на малейшие предметы вышедшей непосредственно из направления Гоголя». Но все же главным арбитром в русской литературе считался тогда Виссарион Григорьевич Белинский. В программной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский, хотя и отметил ряд недостатков, в первую очередь то, что Гончаров для него представитель «чистого искусства» (что в устах критики демократического направления означало оторванность от действительности и — шире — от народа), уделил разбору «Обыкновенной истории», характеров и типов героев много страниц и даже не смог удержаться от восторженных слов: «Несмотря на неудачный, или, лучше сказать, на испорченный, эпилог, роман г. Гончарова остается одним из замечательных произведений русской литературы. К особенным его достоинствам принадлежит, между прочим, язык чистый, правильный, легкий, свободный, льющийся. Рассказ г. Гончарова в этом отношении не печатная книга, а живая импровизация. Некоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоров между дядею и племянником. Но для нас эти разговоры принадлежат к лучшим сторонам романа. В них нет ничего отвлеченного, не идущего к делу; это — не диспуты, а живые, страстные, драматические споры, где каждое действующее лицо выказывает себя как человека и характер, отстаивает, так сказать, свое нравственное существование. Правда, в такого рода разговорах, особенно при легком дидактическом колорите, наброшенном на роман, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тем больше чести г. Гончарову, что он так счастливо решил трудную самую по себе задачу и остался поэтом там, где так легко было сбиться на тон резонера...»

Сам Гончаров позднее в статье «Лучше поздно, чем никогда» объяснял, что в основе его романа лежала история молодого провинциала, «жившего по затишьям» расшатанной, патриархальной, поместной провинции и отрывавшегося со слезами от домашней неги и блага «и являвшегося на главную арену деятельности, в Петербург».

Гончаров не раз признавался, что его литературно-художественные произведения в первую очередь рождались из личных впечатлений. Этот факт давал критике повод подозревать писателя в том, что под видом некоторых героев он изображал самого себя. Чаще всего его сравнивали с Обломовым. Но художник практически никогда буквально не описывает собственную персону, зато щедро наделяет героев своими чертами, мыслями, наблюдениями и привычками. Так, в «Обыкновенной истории» отразился в той или иной степени начальный период петербургской жизни Гончарова, но черты автора почти в равной степени принадлежат обоим главным героям романа — и дядюшке Адуеву, и его молодому племяннику.

В начале 1848 «Обыкновенная история» вышла отдельным изданием.

К тому времени Гончаров стал постоянным сотрудником многих литературных изданий, публикуя в них статьи, рецензии, отклики и даже иронические заметки о текущих петербургских событиях.

Осенью 1848 к литератору и преподавателю русской словесности Александру Александровичу Комарову приехал Н. Гоголь. Он выразил желание познакомиться с молодыми, подающими надежды литераторами и попросил Комарова пригласить нескольких известных из «новых», с которыми Гоголь еще не был знаком. Компания собралась довольно большая, между прочими там были Гончаров, Григорович, Некрасов, Панаев и Дружинин.

Вечер начался в десятом часу. Хозяин, благоговевший перед талантом Гоголя, естественно, приготовил роскошный ужин. Гоголя ожидали с объяснимым нетерпением. Все хотели видеть знаменитого писателя, да и не без удовольствия

предвкушали обильное угощение. Не пили даже чаю — ждали, ждали, ждали. Но в десять часов все же сели к чайному столу.

Гоголь прибыл лишь в половине одиннадцатого. От чая отказался, заявив, что не пьет его никогда. Мельком глянув на собравшихся, подал руку тем, кто был ему уже известен, и тут же прошел в другую комнату, где и разлегся на диване. Говорил он мало и как бы нехотя.

Когда хозяин все же нашел возможность и представил ему Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина, Николай Васильевич чуть-чуть оживился и стал говорить с каждым об их произведениях. Что выглядело, мягко говоря, несколько неловко, ибо и всем присутствующим, и уж тем более самим авторам стало ясно, что Гоголь их произведений и в глаза не видел. Затем Николай Васильевич принялся говорить уже исключительно о себе, прежде всего о своих нашумевших тогда «Выбранных местах из переписки с друзьями». Он настаивал на том, что вопреки слухам писал их вовсе не в болезненном состоянии, и сожалел, что они были изданы.

К величайшему огорчению хозяина и, надо думать, гостей, Гоголь от ужина отказался. Как и от всех предложенных вин, которых было множество. Обратимся теперь непосредственно к живой цитате из воспоминаний очевидца И. Панаева:

«— Чем же вас угощать, Николай Васильевич? — сказал наконец в отчаянии хозяин дома.

— Ничем, — отвечал Гоголь, потирая свою бородку. — Впрочем, пожалуй, дайте мне рюмку малаги.

Одной малаги именно и не находилось в доме. Было уже между тем около часа, погреба все заперты... Однако хозяин разослал людей для отыскания малаги.

Но Гоголь, изъявив свое желание, через четверть часа объявил, что он чувствует себя не очень здоровым и поедет домой.

— Сейчас подадут малагу, — сказал хозяин дома, — погодите немного.

— Нет, уж мне не хочется, да к тому же поздно...

Хозяин дома, однако, умолил его подождать малаги. Через полчаса бутылка была принесена. Он налил себе полрюмочки, отведал, взял шляпу и уехал, несмотря ни на какие просьбы.

Не знаю, как другим, — мне стало как-то легче дышать после его отъезда».

Такая вот забавная выдалась встреча. Хотя, надо думать, даже после нее Гончаров не перестал любить великие произведения Гоголя.

В октябре того же года Гончаров написал первоначальную редакцию «Сна Обломова», из которого потом родится роман «Обломов».

Потом Гончаров уехал на несколько месяцев в Симбирск, где работал над романом «Обломов». Там же, в Симбирске, возник у него замысел следующего романа — «Обрыв».

Гончарову исполнилось 37 лет — он в расцвете творческой зрелости. Он — автор «Обыкновенной истории», литературная критика его взхлеб хвалит и столь же взхлеб ругает, уже написан его первый портрет художником К. Горбуновым.

Карьера Гончарова также на подъеме — за выслугу лет он произведен в коллежские ассессоры.

И ничто, кажется, не предвещало того, что его жизнь в самое ближайшее время резко переменится. Но именно так и произошло.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Неожиданное предложение — «Скорее, скорее в путь!» — на борту фрегата «Паллада» — «Авральяная работа» — «Воздушные видения» — Опиум в Сингапуре — Япония и японцы — Через всю Россию в Петербург — Путевые очерки — «Фрегат "Паллада"» — Нелюбовь к морским путешествиям

Течение жизни порой определяет случайность. Так, однажды в августе 1852 Гончаров оказался в гостях у своих друзей Майковых. И надо же было, чтобы именно в этот день к ним явился писатель Г. Данилевский и передал А. Майкову приглашение

товарища министра (то есть заместителя министра) народного просвещения А. Норова отправиться в кругосветное путешествие. Майков отказался от путешествия, но предложил воспользоваться этой возможностью Гончарову. Иван Александрович незамедлительно согласился.

Во главе всего этого предприятия стоял адмирал Е. Путятин. Начались хлопоты по назначению Гончарова секретарем адмирала Путятина на время кругосветного плавания. Кажется, Гончаров был единственным, кто верил в то, что все это происходит именно с ним и на самом деле. В кружке Майковых его называли Принц де Лень, поскольку он считался приверженцем спокойного и размеренного образа жизни. Однако решение путешествовать для самого Гончарова не было случайным. Вот как объяснял он свой поступок Е. Языковой: «Все удивились, что я мог решиться на такой дальний и опасный путь, я, такой ленивый, избалованный! Кто меня знает, тот не удивится этой решимости. Внезапные перемены составляют мой характер, я никогда не бываю одинаков двух недель сряду, а если наружно и кажусь постоянен и верен своим привычкам и склонностям, так это от неподвижности формы, в которую заключена моя жизнь».

Та легкость, с какой согласился Гончаров отправиться вокруг света, объясняется и иными причинами помимо черт его характера. С детства он зачитывался описаниями путешествий — Крашенинникова на Камчатку, кругосветок Кука и т. д. Ну, а о влиянии на него воспитателя и крестного Николая Николаевича Трегубова, отставного моряка, мы уже знаем. Слово Гончарову: «Я радостно содрогнулся при мысли: я буду в Китае, Индии, переплыву океаны, ступлю ногой на те острова, где гуляет в первобытной простоте дикарь, посмотрю на эти чудеса — и жизнь моя не будет праздным отражением мелких, надоевших явлений. Я обновился; все мечты и надежды юности, сама юность воротились ко мне. Скорее, скорее в путь!»

И вот 7 октября 1852 из Кронштадта вышел фрегат «Паллада», на котором Гончаров отправился в кругосветную экспедицию к берегам Японии в должности секретаря при начальнике экспедиции адмирале Путятине.

Путешествие началось не слишком удачно, к тому же фрегат был старым судном, плохо приспособленным для столь серьезного морского похода. В октябре «Паллада» села на мель. Когда она все же прибыла в Портсмут, ее вынуждены были поставить на ремонт. С одной стороны, эти события дали возможность Гончарову побывать в Лондоне, с другой — у него появились сомнения, не оставить ли фрегат и не вернуться в Россию? Но — раздумал. Возможно, именно в этот момент Гончарову пришла в голову мысль писать очерки о путешествии, из которых впоследствии составила книгу «Фрегат «Паллада».

За время плавания «Паллада» посетила остров Мадеру, острова Зеленого Мыса, обогнула мыс Доброй Надежды, побывала на острове Ява, в Сингапуре, Гонконге и наконец достигла Нагасаки, где состоялись торговые переговоры с японцами.

«Паллада» неоднократно попадала в шторм, несколько раз пересекла экватор. Обязанности секретаря Гончаров умело совмещал с творчеством: каждую свободную минуту он работал над своими путевыми очерками.

Родившаяся в конце концов книга, которую мы знаем под названием «Фрегат "Паллада"», менее всего напоминает отчет о путешествии. Это не только документальное, но и в первую очередь художественное произведение. Однако художественное не в том смысле, что Гончаров что-то «присочинял», а потому, что написано великим художником слова.

Именно поэтому пересказывать путешествие Гончарова на фрегате «Паллада» — примерно то же самое, что пересказывать его романы. История кругосветного путешествия описана им настолько живо и увлекательно, что может считаться одним из лучших в мировой литературе образцов приключенческого жанра.

«Фрегат "Паллада"» — очень объемное произведение, что объясняется и продолжительностью описываемого путешествия, и его масштабами. Одно только подробное перечисление океанов, морей, островов, портов, стран, описанных

Гончаровым, займет несколько страниц. Мы воздержимся от подобного перечисления и лучше предоставим слово самому Гончарову, выбрав из книги несколько колоритных эпизодов.

Вот, например, самое начало путешествия, «Паллада» еще в Финском заливе:

«Вскоре все стройно засуетилось на фрегате, до тех пор неподвижном. Все четыреста человек экипажа столпились на палубе, раздались командные слова, многие матросы поползли вверх по винтам, как мухи облепили реи, и судно окрылилось парусами. Но ветер был не совсем попутный, и потому нас потащил по заливу сильный пароход и на рассвете воротился, а мы стали бороться с поднявшимся бурным или, как моряки говорят, "свежим" ветром. Началась сильная качка. Но эта первая буря мало подействовала на меня: не бывши никогда на море, я думал, что это так должно быть, что иначе не бывает, то есть что корабль всегда раскачивается на обе стороны, палуба вырывается из-под ног и море как будто опрокидывается на голову.

Я сидел в кают-компании, прислушиваясь в недоумении к свисту ветра между снастей и к ударам волн в бока судна. Наверху было холодно; косой мерзлый дождь хлестал в лицо. Офицеры беззаботно разговаривали между собой, как в комнате на берегу; иные читали. Вдруг раздался пронзительный свист, но не ветра, а боцманских свистков, и вслед за тем разнесся по всем палубам крик десяти голосов: "Пошел все наверх!" Мгновенно все народонаселение фрегата бросилось снизу вверх; отсталых матросов побуждали боцмана. Офицеры бросили книги, карты (географические: других там нет), разговоры и стремительно побежали туда же. Непривычному человеку покажется, что случилось какое-нибудь бедствие, как будто что-нибудь сломалось, оборвалось и корабль сейчас пойдет на дно. "Зачем это зовут всех наверх?" — спросил я бежавшего мимо меня мичмана. "Свистят всех наверх, когда есть авральная работа", — сказал он второпях и исчез. Цепляясь за трапы и веревки, я выбрался на палубу и стал в уголок. Все суетилось. "Что это такое — авральная работа?" — спросил я другого офицера. "Это когда свистят всех наверх", — отвечал он и занялся — авральной работой. Я старался составить себе идею о том, что это за работа, глядя, что делают, но ничего не уразумел: делали все то же, что вчера, что, вероятно, будут делать завтра: тянут снасти, поворачивают реи, подбирают паруса. Офицеры объяснили мне сущую истину, мне бы следовало так и понять просто, как оно было сказано — и вся тайна была тут. Авральная работа значит — общая работа, когда одной вахты мало, нужны все руки, оттого всех и "свистят наверх"! По-английски, если не ошибаюсь, и командуют "все руки вверх!" (all hands up!). Через пять минут, сделав что нужно, все разошлись по своим местам».

А вот как поэтично описывает Гончаров южное море и небо:

«Покой неба и моря — не мертвый и сонный покой: это покой как будто удовлетворенной страсти, в котором небо и море, отдыхая от ее сладостных мучений, любят взаимно в объятиях друг друга. Солнце уходит, как ошастливленный любовник, оставивший долгий, задумчивый след счастья на любимом лице.

На этом пламенно-золотом, необозримом поле лежат целые миры волшебных городов, зданий, башен, чудовищ, зверей — все из облаков. Вот, смотрите, громада исполинской крепости рушится медленно, бесшумно; упал один бастион, за ним валится другой; там опустилась, подавляя собственный фундамент, высокая башня, и опять все тихо отливается в форме горы, островов, с лесами, с куполами. Не успело воображение воспринять этот рисунок, а он уже тает и распадается, и на место его тихо воздвигся откуда-то корабль и повис на воздушной почве; из огромной колесницы уже сложился стан исполинской женщины; плечи еще целы, а бока уже отпали, и вышла голова верблюда; на нее напирает и поглощает все собою ряд солдат, несущихся целым строем.

Изумленный глаз смотрит вокруг, не увидит ли руки, которая, играя, строит воздушные видения. Тихо, нежно и лениво ползут эти тонкие и прозрачные узоры в золотой атмосфере, как мечты тянутся в дремлющей душе, слагаясь в пленительные образы и разлагаясь опять, чтобы слиться в фантастической игре...»

Случались и более земные «видения». Например, в Сингапуре Гончаров столкнулся с открытой продажей опиума: «Мы хотели взглянуть, как курят опиум, и вошли в лавочку; но там только продавали его. Нас подвозили ко многим таким лавочкам; это были отвратительнейшие, неопрятные клетушки, где нагие китайцы предлагали нам купить отравы. Наконец кули повел нас через одну лавочку в темный чулан: там, на грязной циновке, лежал один курильщик; он беспрестанно палочкой черпал опиум и клал его в крошечное отверстие круглой большой трубки. Но духота, вонь и жар от помещавшейся рядом китайской кухни были так сильны, что мы, не дождавшись действия опиума, бежали вон и вздохнули свободно, выехав из китайского квартала».

Следует подчеркнуть, что истинной целью экспедиции, возглавлявшейся адмиралом Путятиным и официально посвященной обозрению российских колоний в Северной Америке, была очередная попытка подготовить почву для заключения русско-японского договора о торговле и границах. Япония после нескольких веков искусственной самоизоляции едва-едва стала открываться для европейцев. Гончаров оставил нам одно из первых и подробнейших описаний этой таинственной страны и ее загадочных жителей. Может быть, сегодня его наблюдения покажутся странными, в чем-то даже смешными, но следует помнить, что японцы тогда очень мало походили на европейцев:

«Мы толпой окружили их: это первые наши гости в Японии. Они с боязнью озирались вокруг и, положив руки на колени, приседали и кланялись чуть не до земли. Двое были одеты бедно: на них была синяя верхняя кофта, с широкими рукавами, и халат, туго обтянутый вокруг поясницы и ног. Халат держался широким поясом. А еще? еще ничего; ни панталон, ничего...

Обувь состояла из синих коротких чулок, застегнутых вверху пуговкой. Между большим и следующим пальцем шла тесемка, которая прикрепляла к ноге соломенную подошву. Это одинаково, и у богатых, и у бедных.

Голова вся бритая, как и лицо, только с затылка волосы подняты кверху и зачесаны в узенькую, коротенькую, как будто отрубленную косичку, крепко лежавшую на самой маковке. Сколько хлопот за такой хитрой и безобразной прической!»

А вот уже не простые люди, а представители власти:

«Оппер-баниосы, один худой, с приятным лицом, с выдающеюся верхнею челюстью и большими зубами, похожими на клыки, как у многих японцев. Другой, рябоватый, с умным лицом и с такою же челюстью, как у первого. На них, сверх черной кофты из льняной материи и длинного шелкового халата, были еще цветные шелковые же юбки, с разрезанными боками и шелковыми кистями. За пазухой, по обыкновению, был целый магазин всякой всячины: там лежала трубка, бумажник, платок для обтирания пота и куча листков тонкой, проклеенной, очень крепкой бумаги, на которой они пишут, отрывая по листку, в которую сморкаются и, наконец, завертывают в нее, что нужно».

Конечно, многие вещи Гончарову казались странными. Однако видно, что писал он о японцах с уважением, благожелательно, отдавая должное их цивилизации. Он оставил нам описания и государственного устройства, и архитектуры, и обычаев.

Вполне можно понять, почему эти очерки вызвали у русского читателя неподдельный интерес.

В конце лета 1854 Гончаров был откомандирован Путятиным сухим путем в Петербург. На этот раз писатель пересек всю Россию — с Дальнего Востока до столичного Петербурга. Он посетил Якутск, Иркутск и другие города Российской империи. Описанию сухопутной части путешествия посвящены последние главы «Фрегата "Паллады"». И они порой не менее экзотичны, чем «японские» или, например, «китайские» страницы.

Вернувшись в феврале 1855 из командировки в Петербург, Гончаров поселился на Невском проспекте в доме Кожевникова близ Владимирской улицы и вступил в должность столоначальника Департамента внешней торговли Министерства финансов.

Хотя Гончаров еще с борта «Паллады» сообщал Майковым о том, что «набил целый портфель путевыми записками», что все записано «в таком порядке, что хоть печатать сейчас...», тем не менее огромный накопленный материал требовал серьезной обработки. Чем Гончаров и занялся. Он публиковал очерки в «Отечественных записках», «Современнике» и «Морском сборнике», которые с неизменным интересом встречались читателями и критиками.

При жизни Гончарова книга «Фрегат "Паллада"» выдержала несколько изданий и была одной из самых любимых автором — во всяком случае, именно ее он советовал читать в первую очередь интересующейся его творчеством молодежи, считая, что эти очерки полезны для воспитания юношества. Правда, современники, хорошо знавшие Гончарова, утверждали, что после кругосветного плавания во всех своих последующих заграничных поездках Иван Александрович всегда предпочитал, если был выбор, сухопутный способ передвижения морскому...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Цензор Гончаров — Женские образы и их прототипы — Гончаров и «обломовщина» — Любовь в жизни Гончарова — Гончаров и Тургенев: почти детективная история — Цензура — Работа над «Обломовым»

Осенью 1855 Иван Александрович Гончаров перешел в цензоры Петербургского цензурного комитета — с этим ведомством будут связаны многие годы его жизни.

По этому поводу писатель и историк Александр Васильевич Дружинин оставил в дневнике следующую запись: «Слышал, что по цензуре большие преобразования и что Гончаров поступает в цензора. Одному из первых русских писателей не следовало бы брать должность такого рода. Я не считаю ее позорною, но, во-первых, она отбивает время у литератора, а во-вторых, не нравится общественному мнению, а в-третьих... в-третьих, то, что писателю не следует быть цензором». Это «общественное мнение» еще немало попортит Гончарову крови. Как, впрочем, и успехи в карьере. В декабре 1855 — высочайший приказ по гражданскому ведомству «о награждении Гончарова, вне правил, чином статского советника за особые заслуги его по званию секретаря при генерал-адъютанте графе Путятине».

Но мысли Гончарова занимает не только новая служба — зримые очертания начинает обретать его новый роман «Обрыв».

Сегодняшние читатели, впрочем, как и современники писателя, не могут не отметить тот факт, что особенно Гончарову удавались женские образы. Из них самые любимые — Ольга из «Обломова», Марфинька, Вера и Бабушка из «Обрыва». Отчасти, наверное, поэтому самыми преданными читателями Гончарова были именно женщины — его читали гимназистки и белошвейки, дамы высшего света и купчихи, помещицы и курсистки. Иван Александрович был величайшим знатоком женской души, однако вот парадокс — его личная жизнь так и не сложилась. Хотя на его жизненном пути встречались замечательные женщины, которые были для него добрыми подругами, оказали немалое влияние на его творчество, до конца своих дней он прожил в одиночестве, без семьи.

Среди близких друзей Гончарова была Екатерина Павловна Майкова, жена Владимира Николаевича Майкова, писательница и сотрудница журнала «Семейные вечера». Ее считают одним из прототипов Ольги Ильинской. Нередко исполняла она и роль добровольного литературного секретаря Гончарова.

Дело в том, что он вынашивал планы своих произведений по несколько лет. И время от времени записывал какие-то мысли, соображения, содержание глав, имена и характеристики действующих лиц и целые сцены на клочках бумаги. Так у него скапливался целый портфель черновых бумаг. Он тогда он и просил Майкову разобраться в этом хаосе и как-то все систематизировать. После чего только и мог приступить к планомерной, что называется, «беловой» работе.

Другим его верным другом была дочь Александра Васильевича Никитенко (академика и члена Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания) Софья Александровна — не только постоянная собеседница и советчица Гончарова, но и помощница в его литературных трудах.

Однако можно предположить, что прообразом Ольги Ильинской была все же Елизавета Васильевна Толстая, с которой Иван Александрович познакомился в начале 40-х годов все у тех же друзей своих Майковых. Реальная история их отношений очень напоминает любовную коллизию романа «Обломов».

Гончарова, как известно, часто сравнивали с Обломовым. И в этом была доля правды, но не в смысле «обломовского» характера Гончарова, а в том, что он, как и его любимый герой, был прекрасной души человек. Сам он писал по этому поводу: «Когда замечен был талант — и я... погрузился в свои художественно-литературные планы, — у меня было одно стремление жить уединенно, про себя. Я же с детства, как нервный человек, не любил толпы, шума, новых лиц! Моей мечтой была... умеренность, кусок независимого хлеба, перо и тесный кружок самых близких друзей. Это впоследствии называли во мне обломовщиной».

Но конечно же, как и всякий человек, Гончаров мечтал о любви и о семейном счастье.

Пик романтических отношений с Толстой пришелся на 1855–1856 — они вместе посещают театры, Гончаров присылает Елизавете Васильевне книги для чтения, дает советы по поводу ее дневника, они обмениваются фотографиями и постоянно пишут друг другу пространные письма. Этот сохранившийся для потомков эпистолярный роман — настоящее произведение искусства. Однако в 1857 Елизавета Васильевна выходит замуж. Не за Гончарова. Ее мужем стал ярославский помещик Александр Илларионович Мусин-Пушкин.

Прослеживается по некоторым письмам и воспоминаниям и еще один скоротечный роман, случившийся у Гончарова в 1867–1868 с некоей загадочной дамой, о которой до нас дошли лишь одни инициалы: Агр. Ник. (возможно, Аграфена Николаевна). Известно, что Гончаров очень тяжело переживал разрыв с нею. И, кажется, именно ее считал ближайшим прототипом Веры: «...Это была моя не Вера, а модель моей Веры», — писал он впоследствии.

Гончаров не скрывал от собратьев по перу сюжет будущего романа. Среди тех, с кем он поделился новым замыслом, был и Иван Сергеевич Тургенев. Этот, казалось бы, незначительный факт положил начало почти детективной истории, едва не окончившейся дуэлью между двумя крупнейшими русскими писателями. Существуют две версии этого происшествия, которое сегодня некоторым может показаться даже забавным. Тогда же все было всерьез. Расскажем об этой истории, хронологически забегая немного вперед.

По одной из версий Гончаров прислал из-за границы письмо Ивану Ивановичу Льховскому, общему другу его и Тургенева, где довольно подробно излагал сюжетные коллизии будущего романа «Обрыв». Тургенев, встретившись с Льховским, заинтересовался у того, нет ли вестей от Гончарова, на что тот простодушно ответил, что только что получил весточку и показал письмо. Уезжавший куда-то Тургенев выпросил письмо с собою, чтобы прочитать его внимательно в дороге.

По другой версии Гончаров несколько раз на литературных вечерах у общих знакомых в присутствии Тургенева читал главы из нового романа.

Как бы там ни было, но, когда появилось «Дворянское гнездо» Тургенева, а затем и «Накануне», — Гончаров обвинил его в наглом плагиате. Разные мемуаристы расходятся в деталях.

Одна из современниц со слов Е. Майковой пересказывает такой эпизод. Когда роман «Накануне» был закончен, Тургенев, по обычаю, в один из вечеров читал его в доме Майковых. На этот вечер он пригласил всех, но почему-то «забыл» о Гончарове. Тот же, прогуливаясь, оказался возле дома Майковых и заглянул «на огонек». Можно представить

себе, насколько ближайший друг дома был изумлен, застав большое общество в сборе на литературном чтении. Само собой разумеется, что все присутствовавшие восприняли приход Гончарова совершенно естественно. Один лишь Тургенев отчего-то смутился, но все же продолжил прерванное чтение. Дослушав до конца, Гончаров молча встал и ушел, ни с кем поначалу не поделившись своими подозрениями. И лишь потом поинтересовался у Льховского, показывал ли тот письмо Тургеневу. Льховский честно признался, как было дело.

Не важно, был эпизод с письмом или нет, но факт — Гончаров отправил Тургеневу ряд писем, где напрямую обвинил его в плагиате. «Как в человеке ценю в вас одну благородную черту, — не без язвительности писал он, — это то радушие и снисходительность, пристальное внимание, с которым вы выслушиваете сочинения других и, между прочим, недавно выслушали и расхвалили мой ничтожный отрывок все из того же романа, который был вам рассказан уже давно в программе». Не мог Гончаров сдерживать обиды и в письме к С. Никитенко: «Нет, Софья Александровна, не зернышко взял он у меня, а взял лучшие места, перлы и сыграл на своей лире; если б он взял содержание, тогда бы ничего, а он взял подробности, искры поэзии, например, всходы новой жизни на развалинах старой, историю предков, местность сада, черты моей старушки, — нельзя не кипеть».

И вправду, некоторых совпадений просто нельзя отрицать. Видимо, дым был не без огня, так как Тургенев в конце концов изъясил из «Дворянского гнезда» целых две главы, а также сцену ночного свидания Лизы Калитиной с Марфой Тимофеевной, уж больно напоминавшую встречу Веры с Бабушкой в «Обрыве».

Скандал тем временем разрастался. Возмущенный Гончаров, надо думать, не держал своего негодования внутри себя, а выплескивал его направо и налево. Все это задело его не на шутку. Между тем он вполне отчетливо представлял себе последствия столь некрасивого скандала — сохранилось несколько свидетельств о том, что одно время он даже ожидал от Тургенева вызова на дуэль.

Однако надо отдать должное Тургеневу. Он сразу попытался решить дело миром. Но скандал уже выплеснулся слишком широко. И Тургеневу ничего не оставалось, как потребовать третейского суда собратьев-литераторов.

Суд состоялся на квартире Гончарова 29 марта 1860. Экспертами были выбраны журналист и литературный критик С. Дудышкин, писатель А. Дружинин, критик и издатель П. Анненков и А. Никитенко. Во-первых, это были люди очень авторитетные в тогдашнем литературном мире, во-вторых, никто из них не являлся откровенным сторонником Тургенева или Гончарова. И к тому и к другому они относились сочувственно, а целью своей видели лишь одно — погасить ссору и прекратить бесконечные толки вокруг этого малоприятного дела. Дадим слово одному из судей, П. Анненкову: «После изложения дела, обмена добавлений сторонами замечания экспертов сводились к одному знаменателю. Произведения Тургенева и Гончарова, как возникшие на одной и той же русской почве, должны были тем самым иметь несколько схожих положений, случайно совпадать в некоторых мыслях и выражениях, что оправдывает и извиняет обе стороны. И.А. Гончаров, казалось, остался доволен этим решением экспертов. Не то, однако же, случилось с Тургеневым. Лицо его покрылось болезненной бледностью; он пересел на кресло и дрожащим от волнения голосом произнес следующее. Я помню каждое его слово, как и выражение его физиономии, ибо никогда не видел его в таком возбужденном состоянии. «Дело наше с вами, Иван Александрович, теперь конечно; но я позволю себе прибавить к нему одно последнее слово. Дружеские наши отношения с этой минуты прекращаются. То, что произошло между нами, показало мне ясно, какие опасные последствия могут являться из приятельского обмена мыслей, из простых, доверчивых связей. Я остаюсь поклонником вашего таланта, и, вероятно, еще не раз мне придется восхищаться им вместе с другими, но сердечного благорасположения, как прежде, и задушевной откровенности между нами

существовать уже не может с этого дня». И, кивнув всем головой, он вышел из комнаты. Заседание наше тем самым было прекращено. Позже они помирились, в 1864 — при похоронах одного из экспертов, именно А. Дружинина». Но, похоже, Гончаров тоже этого инцидента никогда не забыл — иначе зачем ему уже в 70-е годы понадобилось писать статью «Необыкновенная история», представлявшую собой, по сути дела, пространный обвинительный акт против Тургенева? Правда, для печати эта статья не предназначалась и написана была, что называется, «для себя». В крайнем случае — для потомков.

Как ни парадоксально, но гораздо больше потерь от этой истории понес Иван Александрович — общественное мнение склонилось совсем не в его пользу. Страдающей стороной оказался Тургенев, ему сочувствовали. Гончаровым же возмущались. Он и сам все более и более замыкался в себе, отдаляясь от многих прежде близких знакомых. Вдобавок и «прогрессивное» общество отшатнулось от него, причем не последнюю роль в этом сыграла служба Гончарова по цензурному ведомству.

На первом этапе службы Гончарову были поручены для рассмотрения периодические издания «Пантеон», «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», «Журнал Министерства внутренних дел», «Журнал коннозаводства и охоты», «Вестник императорского Русского географического общества» и «Мода». Только в 1856 Гончаровым было процenzуровано (то есть, как минимум, внимательно и ответственно прочитано) 10 453 рукописных листа.

Вообще к деятельности Гончарова на посту цензора не следует относиться однозначно. Вряд ли эта работа увлекала писателя или приносила ему большое удовлетворение. Но так уж сложилась жизнь — Гончаров вынужден был служить. В таких случаях обычно говорят — другой на этом месте был бы хуже. И в самом деле, будучи цензором, Гончаров предпринял немало шагов для опубликования многих ранее запрещенных произведений. Так, он добился выхода в свет поэм М. Лермонтова «Боярин Орша», «Демон», «Ангел смерти»; вторых изданий сборника стихов Н. Некрасова и «Записок охотника» И. Тургенева; исторических романов И. Лажечникова «Ледяной дом» и «Последний Новик»; «Очерков бурсы» Н. Помяловского. Именно Гончаров допустил к публикации без единой купюры «Село Степанчиково и его обитатели» Ф. Достоевского. А за то, что «с очень маленькими пометками» пропустил в печать роман А. Писемского «Тысяча душ», он получил выговор.

В то же время ему не раз ставили в вину чуть ли не «преследование» «Современника» и «Русского слова», обвиняя в прогосударственной, охранительной позиции. Однако мы сегодня не можем не учитывать того, что в своих претензиях к «Современнику» Гончаров был абсолютно искренен, что отстаивал он не позицию правительства, а свою собственную. Да, Гончарова даже с большой натяжкой нельзя отнести к революционерам-демократам, к которым в советские времена причисляли и Белинского, и Некрасова, не говоря уж о Добролюбова и Писареве. Гончаров был скорее классическим либералом. Несмотря на то что его многое раздражало в тогдашнем государственном устройстве, он вполне скептически относился к попыткам разрушить или даже расшатать существующий строй. И сегодня совсем по-другому воспринимаются оценки Гончаровым «Современника», который, по его словам, «соблазнительно действовал на молодое поколение... щеголяя крайностями отрицания в науке и жизни...», и «Русского слова», отличавшегося «отчаянною эксцентричностью и парадоксальностью мнений... и ребяческим... рвением провести в публику запретные плоды... жалких и несостоятельных доктрин материализма, социализма и коммунизма». Признаем, что в этом Гончаров оказался более прав. Чтобы понять это, нашему обществу пришлось пережить все ужасы коммунистической власти.

Занимая высокий чиновничий пост, Гончаров честно исполнял свой долг. Если же вспомнить о крупнейших русских писателях, совмещавших литературную и государственную деятельность, то имя Гончарова следует поставить в один ряд

с именами Ф. Тютчева (бывшего председателем «комитета цензуры иностранной») и М. Салтыкова-Щедрина (служившего вице-губернатором в Рязани, а потом в Твери).

Летом 1857 Гончаров отправился в длительное путешествие за границу. Он посетил Варшаву, Дрезден, где встретился с Некрасовым и даже «поработал» для него переводчиком. После чего отправился в Мариенбад и дальше — во Франкфурт, Майнц, Кельн, а уже оттуда — напрямик в Париж, где его ждала встреча с В. Боткиным, И. Тургеневым и А. Фетом, которые стали первыми слушателями глав «Обломова». В России тем временем готовилось издание «Фрегата "Паллада"», Гончаров же активно продолжает работать над «Обломовым». В письме одному из друзей он сообщает: «Я закончил первую часть, написал всю вторую и въехал довольно далеко в третью часть... Поэма изящной любви кончена вся, она взяла много времени и места. Неестественно покажется, как это в месяц кончил то, чего не мог кончить в года. На это отвечу, что если б не было годов, не написалось бы в месяц ничего. В том и дело, что роман выносился весь до мельчайших сцен и подробностей и оставалось только записывать его. Я писал как будто под диктовку... Действие уже происходит на Выборгской стороне: надо изобразить эту выборгскую Обломовку, последнюю любовь героя и тщетные усилия друга разбудить его». И уже в сентябре извещает своего близкого друга Ю. Ефремову об окончании романа.

А в октябре возвращается в Петербург.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Гончаров и наследник российского престола — Критические баталии вокруг «Обломова» — Илья Ильич Обломов и русская жизнь — Тема смерти у Гончарова — Увольнение со службы — Гончаров-актер

Той же осенью 1857 Гончаров принял предложение, переданное ему писателем П. Плетневым, преподавать наследнику Николаю Александровичу русскую словесность. Одновременно он сохранил за собой должность цензора. Преподавание царскому наследнику было делом, с одной стороны, очень почетным, с другой — вполне могло повлечь за собой, скажем так, неоднозначную реакцию определенной части общества, слывшей передовой. Критики демократического лагеря отличались тем, что свое отношение к личности автора переносили и на его художественные произведения. Не избежал подобной участи и Гончаров, которого «демократы», мягко говоря, и так недолго любили. Несмотря на несомненные достоинства его романов, он всегда оставался чужаком для «идейно» мыслящих критиков.

Об отношении тогдашней литературной общественности демократического толка к личности и особенно служебной деятельности Гончарова есть такая запись в дневнике Е. Штакеншнейдер: «Его наши новые люди не любят, во-первых, кажется, за то, что он цензор, а во-вторых, за то, что он преподает русскую словесность наследнику, что он, будто, выскочка, пробрался ко двору...» Последнее, по их мнению, уж ни в какие ворота не лезло. Как это русский писатель может учить русскому языку и литературе царского отпрыска?! Гончаровым же, возможно, двигала благая мысль — что он сможет заронить в душу юного наследника семена добра, любви к отечественной словесности и через это любви к родной стране, судьба которой во многом будет зависеть от его ученика. Гончаров, кстати, был им весьма доволен. Впрочем, «высочайшая» учительская карьера продолжалась недолго...

С январского номера «Отечественных записок» за 1859 начинается печатание романа «Обломов».

Журнально-издательская практика середины XIX века несколько отличалась от современной. Бывало так, что публикации отдельных частей произведений художественной литературы растягивались на целые годы. Тем не менее каждая такая часть могла очень живо и даже страстно обсуждаться в критике. Так случилось и с одной из глав романа Гончарова, опубликованной в 1849 под названием «Сон Обломова. Эпизод из неоконченного романа». «Эстетические» критики восхищались искусством

живописания Гончарова, «демократы» ставили ему в заслугу правдивость и точность описания усадебной жизни.

Но настоящие критические баталии развернулись после выхода романа в «Отечественных записках» в 1859.

Наиболее ценные признания о романе оставили собраты по перу. Гончаров вспоминал: успех «превзошел мои ожидания. И Тургенев однажды заметил мне кратко: «Пока останется хоть один русский, — до тех пор будут помнить Обломова». Л. Толстой писал в то же время: «Обломов — капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было. Скажите Гончарову, что я в восторге от Облом[ова] и перечитываю его еще раз. Но что приятнее ему будет — это, что «Обломов» имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный у настоящей публики».

Роман, можно без преувеличения сказать, читала вся образованная Россия. Читали его и в столичных великосветских гостиных, и в усадьбах, и в губернских, и в уездных городах, читали дворяне и разночинцы, военные и чиновники, студенты и гимназисты, пожилые дамы и юные девицы. Каждый находил в романе свое. Одним более всего близка была история любви Ильи Ильича Обломова и Ольги Ильинской. Других приводили в восхищение образы Обломова и Штольца, в которых отразились две крайности русского национального характера. Третьи умирали со смеху, читая сцены пробуждения Обломова и его вечных пререканий с комичным и трогательным слугой Захаром. Четвертые сопереживали Обломову, которого пытались разорить мелкие подлые людишки, пользовавшиеся его добротой и доверчивостью. Пятые, напротив, негодовали по поводу этой самой доверчивости и неспособности поставить себя «на верную ногу». И все вместе с тихой грустью расставались в конце романа с героем, отошедшим в мир иной.

Но чудо романа заключалось, конечно же, не только в правдивости описаний тогдашней русской жизни и социальных типов, в ней присутствующих. Чудо было в том, что каждый русский читатель, если он был искренен перед собой, не мог не увидеть и в самом себе частицу Обломова — чистого сердцем, прекраснодушного, но в каком-то смысле мало приспособленного к «нормальному» существованию среди «мерзостей жизни».

Заслуживает интереса первый читательский отзыв на роман, помещенный в «Отечественных записках»: «Обломов многим брат, — пишет читатель из Симбирска, — и многим обща судьба его. Мы уверены, что многим внутренний голос не раз шепнет: Обломов, Обломов ты... Это живой тип <...> над которым задумаешься, но которому симпатизируешь: подосадуешь на него, но не бросишь камнем... Обломовцы встречаются везде...»

Первым серьезным критическим откликом на роман была статья Н. Добролюбова «Что такое обломовщина?», помещенная в майской книжке «Современника» за 1859. Эта статья не только выражала социально-политические взгляды на роман одного из крупнейших критиков «демократического» направления, она задала тон всем последующим критикам подобного толка. Гончаров Добролюбовым сразу выводится из разряда писателей, в творчестве которых главным является идейное содержание: «Он вам не дает и, по-видимому, не хочет дать никаких выводов. Жизнь, им изображаемая, служит для него не средством к отвлеченной философии, а прямою целью сама по себе». Главный талант Гончарова, по мысли Добролюбова, есть умение «остановить летучее явление жизни». Собственно, основная задача обширной и многословной статьи критика заключается в том, чтобы выделить некое явление общественной жизни, показанной в романе, и дать ему наименование, которое, впрочем, уже существует в самом романе. Это понятие «обломовщины» Добролюбов переносит на многих других героев русской литературы и — шире — на всю русскую жизнь.

Гончаров с сочувствием отнесся к статье Добролюбова и данным в ней социальным характеристикам своих героев, отчасти разделяя широко бытовавшие тогда (и позже) представления о социальной значимости литературы. Но если судить по его собственным

словам о романе, он в первую очередь думал о себе не как о критике окружающей действительности, а как о художнике. И конечно, ему гораздо ближе был отзыв критика противоположного Добролюбову литературного лагеря — А. Дружинина в статье «Обломов», опубликованной в журнале «Библиотека для чтения»: «В писателе, подарившем нашей словесности "Обыкновенную историю" и "Обломова", мы всегда видели и видим теперь одного из сильнейших современных русских художников, — с таким суждением, без сомнения, согласится всякий человек, умеющий с толком читать по-русски». Сравнивая Гончарова с художниками-фламандцами, Дружинин говорит, что писатель «национален, неотступен в раз принятой задаче и поэтичен в малейших подробностях создания <...> он крепко держится за окружающую его действительность, твердо веруя, что нет в мире предмета, который не мог бы быть возведен в поэтическое представление силой труда и дарования». То есть Дружинин в первую очередь говорит о высочайших художественных достоинствах романа.

Прежде всего именно в этом вопросе — что важнее: художественность или социальная значимость произведения — и расходились критики разных литературных направлений.

И все же самый тонкий анализ художественных достоинств романа был дан уже после смерти его автора в статье «Гончаров и его Обломов» (1892) крупнейшего русского поэта и критика Иннокентия Анненского.

Анненский писал уже в те времена, когда баталии вокруг романа улеглись, роман же оставался одним из любимых у читающей публики. Внешним поводом для написания явился выход второго издания девятитомного собрания сочинений писателя: «Имя Гончарова цитируется на каждом шагу, как одно из четырех-пяти классических имен, вместе с массой отрывков оно перешло в хрестоматии и учебники; указания на литературный такт и вкус Гончарова, на целомудрие его музы, на его стиль и язык сделались общими местами. Гончаров дал нам бессмертный образ Обломова». Высоко оценивая творения писателя, Анненский тем не менее считал, что он так до конца и не понят.

Называя Гончарова «созерцателем по преимуществу», Анненский говорит о том, что он «и дорожил особенно обстановкой созерцания: к новой жизни он не спешил, не ввязывался в мир непривычных ощущений, но зато держался цепко за любимые впечатления; он бережно выбирал их из выплывающей отовсюду жизни, созидал из них приятную для себя обстановку и углублял свой поэтический запас новыми наслоениями».

Для многих крупных писателей, и особенно для русских, важнейшей темой является смерть. Говоря о значении этой темы для Тургенева и Толстого, Анненский предлагает взглянуть на то, как умирает у Гончарова Обломов: «Он умер, потому что кончился, потому что Гончаров исчерпал для нас всю его психологическую сущность, и он перестал быть нужным своему творцу». Это вовсе не значит, что Гончарову «не жалко» своего героя. Просто ему напрочь чужд сентиментализм, а потому к смерти Ильи Ильича он относится с тихой грустью, но спокойно — в конце концов, Обломов прожил не самую худшую на свете жизнь, в которой были и любовь, и страдания, и в каком-то смысле сознание выполненного перед жизнью долга. Просто этот долг для Обломова — быть хорошим человеком. А это не так уж и мало.

«В Обломове поэт открыл нам свою связь с родиной и со вчерашним днем, здесь и грезы будущего, и горечь самосознания, и радость бытия, и поэзия, и проза жизни; здесь душа Гончарова в ее личных, национальных и мировых элементах». То есть если несколько расширить и уточнить метафору Анненского, можно говорить о том, что в образе Обломова Гончаров запечатлел черты своей бессмертной души.

В январе 1860 Гончаров подал прошение об увольнении со службы, мотивируя его болезнью. Вот что писал попечитель Петербургского учебного округа министру народного просвещения: «Для С.-Петербургского ценсурного комитета потеря г. Гончарова, как одного из просвещеннейших и полезнейших его деятелей, будет,

конечно, в высшей степени ошутительна; он соединял в себе редкое умение соглашать требования правительства с современными требованиями общества и, принося этим неоцененным в цензуре качеством пользу литературе, вместе с тем избавлял и само Министерство народного просвещения от пререканий и неприятностей, столь часто встречающихся по делам ценсурным». В феврале Гончаров согласно прошению был уволен со службы.

Видимо, увольнение со службы благоприятно сказалось на здоровье писателя. Уже в апреле он участвовал в любительском спектакле «Ревизор» Гоголя, дававшемся в пользу Литературного фонда. В своем роде это была одна из самых уникальных постановок великой гоголевской комедии. Среди прочих писателей роли там исполняли А. Писемский, игравший городничего, и Ф. Достоевский, которому досталась роль почтмейстера. Остальным сочинителям доверили лишь малозначительные роли купцов. Этими купцами были И. Гончаров, И. Тургенев, А. Краевский, А. Дружинин, Д. Григорович, Н. Некрасов, А. Майков, Ф. Кони и В. Курочкин. «Тургенев, Гончаров, Майков, Курочкин вышли на сцену в виде купцов с головами сахара и кулками...» – вспоминал современник, свидетель этого удивительного спектакля. Гончарову, впрочем, было легче других исполнять подобную роль, так как он и сам был из купеческого рода.

Но главным в этот период жизни Ивана Александровича было не участие в спектакле (хотя бы и с такими партнерами), а то, что наступил период свободы от службы, о чем он всегда так мечтал. Впрочем, свобода оказалась не столь продолжительной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Русский писатель и за граница — Дом Гончарова — Облик Гончарова — Главный редактор «Северной почты» — Генеральский чин — Мировая с Тургеневым — Пожар в Симбирске — Гончаров, Достоевский и рулетка — Ухудшение здоровья — «Обрыв» — «Лучше поздно, чем никогда» — Портрет и Миммишка

Почему-то у русских писателей часто случалось так, что работа над их совершенно русскими произведениями лучше всего шла за границей. Как известно, «Мертвые души» Гоголем написаны в основном в Италии, многие произведения Тургенева и Толстого созданы во Франции, Швейцарии или Германии. Как мы помним, и Гончаров своего «Обломова» быстренько завершил во время продолжительного заграничного путешествия. Примерно так же дело обстояло и с «Обрывом». Он писал из Мариенбада: «Я чувствовал бодрость, молодость, свежесть, был в таком необыкновенном настроении, чувствовал такой прилив производительной силы, такую страсть выразиться, какой не чувствовал с 57 года. Разумеется, это не пропало даром для будущего (если только будет) романа: он весь развернулся передо мной часа за два готовый, и я увидел там много такого, чего мне и не грезилось никогда. Для меня теперь только понятно стало значение второго героя, любовника Веры; к нему вдруг приросла целая половина, и фигура выходит живая, яркая и популярная... Нет намеков, загадок, тумана, как в фигуре, например, Штольца, о котором не знаешь, откуда и зачем он».

В ноябре 1860 Гончарова вместе с его давним другом-недругом Тургеневым избрали членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению языка и словесности.

Из письма брату: «Теперь я пока ничего не делаю. Служить не служу и пока перебиваюсь тем, что выработал литературой». С 1861 Гончаров поселился на Моховой улице в доме номер 3, в котором прожил тридцать лет — до конца своей жизни. Обстановка его кабинета, по воспоминаниям, была самая простая: небольшая комната, посередине которой стоял обыкновенный письменный стол на двух шкафиках. Перед столом два кресла: одно с вогнутой спинкой соломенного плетения, для письменной работы, другое, возле, сбоку, кожаное, вольтеровское, для чтения. У стены книжный шкаф и мягкий диван. На письменном столе среди прочего — часы с бронзовой фигурой молодой девушки, Марфиньки из «Обрыва». На стенах висели картины — сцены и лица из его романов, а также акварельный рисунок Ивана Крамского,

изображавший любимую собачку Гончарова (об истории этого рисунка мы еще расскажем).

Воспоминания младшего современника Гончарова Ростислава Ивановича Сементковского, литератора и критика, сохранили нам и облик писателя (описание относится, видимо, к началу 60-х годов): «Кроме меня, по воскресным и праздничным дням к Лъховским иногда заходил и Гончаров. Он был тогда членом Главного управления по делам печати и редактором «Северной почты», — мужчина лет пятидесяти, небольшого роста, с пробритым подбородком, с начинавшими уже сесть густыми усами, бакенбардами и волосами, тщательно приглаженными. Костюм сидел на нем мешковато, но все было опрятно, только помню (я сам любил тогда пощеголять), что половинки воротника рубашки были постоянно у него плохо пригнаны и как-то беспорядочно расходились. Я успел уже прочесть «Обломова», очень внимательно, без ума влюбился в Ольгу, и меня занимал вопрос, который так сильно занимал впоследствии критиков, — не изобразил ли Гончаров в лице Обломова самого себя? Поэтому я с большим любопытством его разглядывал, даже изучал. И я сразу пришел к отрицательному ответу. Конечно, герой Ольги не мог быть таким молодым, как я, — в такого Ольга не могла влюбиться, но и к такому старику, как Гончаров, она не могла, конечно, вспылать страстью, и, стараясь отдать себе в этом отчет, я внимательнейшим образом присматривался и к его костюму, и к его манерам, и к его лицу. И тут-то меня кое-что смущало. Я невольно любовался его тонким, правильным, благородным носом, а главное — его глазами, умными, вдумчивыми и в то же время такими печальными, что самому вдруг грустно станет. В эти глаза Ольга, без сомнения, могла влюбиться и, пожалуй — помню, меня эта мысль самого тогда сильно поразила, — забыть об остальном. Мне так и хотелось подойти к Гончарову и сказать ему что-нибудь теплое, доброе, хорошее, чтобы он не был таким грустным и чтобы он не дошел до того, до чего дошел Обломов... Да, я Ольгу понимал!" Осенью 1862 кончается вольное житье-бытье Гончарова. Он подает прошение о возобновлении службы, и в сентябре его определяют в Министерство внутренних дел на должность главного редактора газеты «Северная почта». Гончаров решился на этот шаг, думается, не из любви к государственной службе, а по причине сугубо прозаической и материальной — петербургская жизнь была дорога, а какого-то капитала у Гончарова не было. Литературный труд, даже при том, что и «Обыкновенная история», и «Фрегат "Паллада"», и «Обломов» выходили все новыми и новыми изданиями, не мог принести достаточных средств. Хотя Гончаров и не был женат, но он считал своим долгом помогать родственникам.

«Северная почта» была газетой правительственной. И опять Гончаров в очередной раз не избежал нападков со стороны «либеральных» журналистов и общественных деятелей. Но Иван Александрович не обращал внимания на эти нападки. Он не только относился к редактированию газеты со всей серьезностью и усердием, но и предлагал правительству план ее реорганизации: «Нужно допустить более смелости, не говорю о политической смелости; пусть политические убеждения остаются в пределах правительственных указаний, я говорю о большей свободе говорить публично о наших внутренних, общественных и домашних делах, о снятии тех приличий в печати, которые лежат на ней не по причине некогда настоятельных, теперь уже миновавших необходимостей, а вследствие долго господствовавшего цензурного страха, оставившего по себе длинный след некоторых привычек, — с одной стороны, не говорить, с другой — не позволять говорить о многом, о чем может быть без вреда говорено вслух». Это, конечно же, слова общественного деятеля. Но и как писатель Гончаров высказывал намерение довести язык в газете до такой степени правильности и чистоты, на какую поставили его современная литература и общество. Следствием всех этих инициатив был отчасти забавный эпизод — Гончарова вызвал «на ковер» министр внутренних дел и выразил большое удивление «трудолюбию» Гончарова как главного редактора

«Северной почты». Министра больше устраивал исполнительный чиновник, нежели человек «с мыслями». Впрочем, никаких оргвыводов тогда не последовало.

Напротив, карьера Гончарова вскоре совершает еще один взлет — уже следующим летом высочайшим приказом по Министерству внутренних дел он был назначен членом Совета министра по делам книгопечатания с производством в действительные статские советники, что соответствовало ни больше ни меньше как генеральскому чину...

В холодный январский день 1864 года на похоронах А. Дружинина Иван Александрович наконец-то помирился с Тургеневым. Так благополучно завершилась история давнишней ссоры. Весной Иван Сергеевич прислал Ивану Александровичу письмо из Парижа, в котором, в частности, были и такие слова: «Душевно рад тому, что чувствую снова вашу руку в моей, и с удовольствием думаю об обещанном вами посещении меня в Бадене». Письмо это было продиктовано не только радостью по поводу возобновления дружеских отношений, но и благодарностью за то, что Гончаров написал и опубликовал очень добрые заметки о романах Полины Виардо, давней любви Тургенева. Наконец летом, когда Иван Александрович в очередной раз выехал в отпуск за границу, они встретились.

В то время как Гончаров путешествовал по Германии и Италии, в Симбирске случился большой пожар, в котором сгорел дом писателя и Карамзинская библиотека, которую он всегда поддерживал. Впоследствии Иван Александрович оказал действенную помощь библиотеке, послав в Симбирск около сотни русских и иностранных книг и журналов. Но родной дом, в котором прошло его детство, более не существовал.

Казалось бы, все в жизни Гончарова шло своим чередом. Однако необходимость зарабатывать на хлеб насущный службой, занимавшей львиную долю времени, Ивана Александровича сильно тяготила. Он жаловался в письме к графине А. Толстой (камер-фрейлине двора, двоюродной тетке Л. Толстого): «Хотелось мне всегда и призван я был писать, а между тем должен был служить. Моему нервозному, впечатлительно-раздражительному организму нужен воздух, ясный и сухой, солнце, некоторое спокойствие, а я сорок лет живу под свинцовым небом, в туманах и не наберу месяца в году, чтобы заняться, чем хотелось и чем следовало, и всегда делал то, чего не умел или не хотел делать». Конечно, насчет «не умел» Гончаров несколько преувеличивал, ибо во всякое порученное ему дело вникал глубоко и всерьез, к тому же просто так генеральскими чинами в России не разбрасывались. А вот то, что многое делать «не хотел», — сущая правда. Он хотел писать, но, в отличие от того же Тургенева или Толстого, не имел поместий, с которых мог бы «кормиться». Именно в этом одна из причин, почему Гончаров так мучительно долго работал над своими романами. Получалось так, что писать он мог только в отпусках, которые предпочитал проводить за границей. Казалось бы, зачем ехать в Баден или Париж, когда можно отправиться на Волгу, в свой родной Симбирск, и там в тишине и покое работать над очередным романом? Но не будем забывать о том факте из биографии писателя, когда он решил отправиться в кругосветное путешествие, почти не раздумывая. Представляется, что Гончаров, этот скучноватый чиновник, каким он виделся некоторым современникам, по натуре был путешественником и непоседой, человеком страстей и отчасти даже романтиком. Однажды, например, встретившись в Баден-Бадене с Достоевским, он тут же отправился вместе с ним на местный вокзал. Но вовсе не для того, чтобы встретить поезд, а для того, чтобы сыграть в рулетку. Если о Достоевском известно, что он был заядлым игроком, то Гончарова, этого высокопоставленного чиновника, генерала, довольно трудно представить склонившимся над зеленым сукном игорного стола, с искаженным азартом лицом следящим за крутящимся шариком рулетки. Федор Михайлович, в очередной раз проигравшись, пришел к Гончарову просить денег взаймы. Иван Александрович дал ему три золотых. Когда же, спустя несколько дней, Достоевский вновь посетил его с той же целью, солидный действительный статский советник вынужден был развести руками и извиниться за то, что подобного вспомоществования оказать не может, ибо накануне

сам в пух и прах проигрался... Позже Достоевский писал А. Майкову о своих встречах с Гончаровым и игре в рулетку: «Этот статский или действительный статский советник тоже проигрывал... Играл он с лихорадочным жаром (в маленькую, на серебро), играл все две недели, которые прожил в Бадене и, кажется, значительно проигрался». Что, вероятно, соответствовало действительности, ибо едва Гончаров вернулся в Петербург, как подал рапорт на имя начальника Главного управления по делам печати с просьбой сделать распоряжение о выдаче «всемилодивейше пожалованных» окладов содержания за период отпуска.

Здоровье Гончарова тем временем все более и более ухудшалось. И в декабре 1867 он вынужден был уйти со службы, получив пенсию в размере 1750 рублей в год...

Весной 1868 в течение нескольких дней Гончаров на квартире редактора «Вестника Европы» М. Стасюлевича читал главы из романа «Обрыв». Стасюлевич писал по поводу романа жене: «Это прелесть высокого калибра. Что за глубокий талант! Одна сцена лучше другой...» За право печатания романа разгорелась настоящая борьба между «Вестником Европы» и «Отечественными записками». Однако Гончаров, продолжающий напряженно работать над завершением романа, будучи человеком слова, сообщил Некрасову, что уже договорился со Стасюлевичем непременно отдать роман для «Вестника Европы».

Из очередной заграничной поездки Гончаров постоянно присылал письма, в которых то жаловался на расстройство здоровья, из-за чего работа продвигается плохо, то делился радостью по поводу того, что «Обрыв» движется: «Я лихорадочно торопился кончить, довести до последней страницы, опасаясь какой-нибудь неожиданной помехи, чтобы опять не затянулось на целый год». Дошло до того, что Гончаров готов был вернуть Стасюлевичу взятый вперед гонорар, объясняя это тем, что роман не обработан и что он утратил свежесть, интерес и т. д. Но в конце концов в ноябре 1868 Гончаров отдал Стасюлевичу рукопись первой части «Обрыва», который тот решил начать печатать в журнале с нового года.

Как и в случаях с «Обыкновенной историей» и «Обломовым», публикация романа «Обрыв» вызвала бурную критику и споры. «Демократическая» печать в лице Н. Шелгунова, А. Скабичевского и др. была в первую очередь недовольна обрисовкой характера «нигилиста» Марка Волохова. Критика «охранительного» толка в противоположность «демократам» возмущалась симпатиями автора к молодым героям романа. Не приняли новое произведение Гончарова и писатели — достаточно неодобрительно отозвались о нем Тургенев, Достоевский, Салтыков-Щедрин. Кажется, только один А.К. Толстой смог подняться «над схваткой» и, отвечая на одну из статей, где Гончаров обвинялся в том, что сочинил карикатуру на «новых людей», воскликнул: «Отчего люди нового поколения начинают кричать: пожар! как скоро выводится на сцену какой-нибудь мерзавец? Ведь это называется на воре шапка горит!» Словом, довольных романом практически не нашлось. Кроме читателей. Редактор «Вестника Европы» Стасюлевич свидетельствовал о резком увеличении тиража журнала, напрямую связывая этот факт с публикацией романа Гончарова. «Обрывом» зачитывались, гимназистки загодя записывались на него в библиотеках в очередь — выдавать для чтения роман разрешалось лишь в старших классах.

Гончаров очень тяжело переживал шквал несправедливой критики, вплоть до того, что вынужден был написать статью «Лучше поздно, чем никогда», где выступил в достаточно сложной роли защитника собственных произведений.

Множество резких и зачастую необоснованных отзывов о романе привели Гончарова в состояние жуткой хандры и раздражения. В одном из писем он даже признавался в том, что вообще не хочет печатать «Обрыв» отдельным изданием, и более того — о желании «навсегда покончить с литературой».

Примерно в это же время случилась и одна забавная история, связанная с ныне знаменитым портретом Гончарова кисти И. Крамского. П. Третьяков пожелал приобрести для своей галереи портрет писателя. Крамской согласился его написать. Но как-то все

поначалу не складывалось. В принципе Крамской с Гончаровым договорился о том, чтобы последний позировал для портрета. Однако Гончаров должен был ехать за границу. Когда же он вернулся, то в дальние края понадобилось отбыть Крамскому. Потом Гончаров попросил отложить работу над своим портретом до весны из-за расстроенного здоровья. И наконец, в марте 1870, то есть спустя почти год после начала переговоров о написании портрета, Гончаров напрочь отказался позировать. Расстроенный Крамской сообщил Третьякову: «Я сделал с своей стороны все, чтобы исполнить ваш заказ, но не в моей власти было заставить сидеть Ивана Александровича». Тем, возможно, все и кончилось бы, не приди в голову Крамскому одна идея. Дело в том, что у Гончарова была собака по имени Мимишка. Не собака даже — собачка. Любил ее Иван Александрович чрезвычайно. И старался не разлучаться с Мимишкой — даже в гости ее брал с собою. «Я забыл упомянуть, — вспоминает Сементковский, — что Гончаров приводил к Льховским неизменно свою собачку. Это был не то мохнатый пинчер, не то шпиц (я плохо тогда различал породы собак), во всяком случае, собака небольшая, мохнатая, чистенькая, с умными глазами. Она ни на шаг не отходила от своего хозяина, стояла около него, когда он стоял, ложилась, когда он садился, свертывалась калачиком, когда он вел продолжительную беседу; в кабинете у Льховского, когда дверь открывалась, я видел ее всегда мирно спавшую у ног своего хозяина, в гостиной она всегда была начеку, хотя признаков какого-нибудь беспокойства никогда не проявляла».

Именно Мимишке мы должны быть благодарны за то, что и сейчас в Третьяковской галерее можем видеть замечательный портрет Гончарова кисти Крамского. Художник, отчаявшись добиться согласия писателя позировать, нарисовал небольшой акварельный портрет Мимишки и преподнес его Ивану Александровичу. Растроганный писатель поместил портрет своей любимицы в рабочем кабинете и, конечно же, уже более не смог отказывать Крамскому. Спустя несколько лет он даже позировал Крамскому еще раз. И когда Крамской решил писать портрет уже больного Некрасова, то именно к Гончарову обратился за тем, чтобы тот уговорил Некрасова позировать.

Оказывается, в истории литературы и искусства немалую роль может сыграть и столь вроде бы незначительное существо, как маленькая собачка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Три «Об» — «Мильон терзаний» — Воспитанники Гончарова — 50 лет в литературе — Полное собрание сочинений — Последнее произведение — «Прост и добр душой незлобной» — «Сегодня ночью я видел Христа...»

Итак, три главных романа Гончарова — «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв» — уже написаны. Им досталось и много добрых слов, и еще больше — ругани. Особенно это коснулось «Обрыва», в котором почему-то была усмотрена злая пародия на «молодое поколение». Но все же именно своеобразная трилогия, состоящая из абсолютно самостоятельных романов «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв», сделала имя Ивана Гончарова известным самой широкой читающей публике и вывела его в разряд величайших представителей русской и мировой литературы.

Кстати, на вопрос одной из почитательниц его таланта, отчего это все три романа начинаются с одного слога «об», Гончаров ответил: «Не знаю»... не знают этого и исследователи творчества писателя. Тем не менее можно предположить, что в этом факте сокрыта какая-то особая магия, не поддающаяся логическому анализу. Ведь творчество — это всегда тайна, даже для самого автора.

Временами плохое самочувствие сильно ему досаждало, но Гончаров все равно не падал духом — достаточно активно участвовал в литературной и общественной жизни, преподавал русскую словесность детям великого князя Константина Николаевича, ездил за границу и, главное, продолжал писать. Пусть на большие романы сил у него уже больше не было, но зато он смог сосредоточиться на теоретических статьях, которые сыграли значительную роль в русской общественной жизни.

В декабре 1871 Гончаров был в Александринском театре на постановке «Горя от ума» Грибоедова. Именно этот спектакль послужил поводом для написания знаменитой статьи «Мильон терзаний». Много лет спустя М. Стасюлевич вспоминал по этому поводу: «После спектакля Гончаров в кругу близких ему людей долго и много говорил о самой комедии Грибоедова, и говорил так, что один из присутствовавших, увлеченный его прекрасной речью, заметил ему: «А вы бы, Иван Александрович, набросали все это на бумагу, ведь все это очень интересно». На этот раз он обещал исполнить просьбу, хотя не без обычных для него в таком случае возражений и отнекиваний». Статья была написана очень быстро и вышла уже в мартовском номере «Вестника Европы» за 1872 с подзаголовком «Критический этюд». Статье этой суждена была долгая жизнь. Теперь уже невозможно представить «Горе от ума» без умного и тонкого разбора пьесы Гончаровым. Иван Александрович не ограничился собственно литературными достоинствами пьесы, он затронул самые сложные и болезненные стороны российской общественно-психологической жизни. Статья стала программной — до сих пор ее часто публикуют в виде послесловия или даже предисловия к «Горе от ума».

Будучи недовольным критическими откликами на свои романы, Гончаров решает сам объяснить публике свои произведения — так появилась статья «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв»».

В последние два десятилетия жизни, когда сил на создание крупных эпических произведений уже было мало, Гончаров продолжал много и плодотворно работать. Он написал «Заметки о личности Белинского», статьи «Лучшее поздно, чем никогда», «Необыкновенная история», автобиографические очерки «Слуги старого века», «На родине», «В университете».

В декабре 1877 Гончаров был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.

В 1878 умер слуга Гончарова Карл Людвиг Трейгут. Заботу о его жене с тремя детьми Иван Александрович взваливает на свои плечи. Он подал прошение в канцелярию Совета Человеколюбивого общества об определении своей воспитанницы Александры Трейгут в Ивановское училище и гимназию при нем, обязавшись вносить ежегодно за учебу 300 рублей. В одном из писем он поясняет: «Я сделал этот шаг с любовью к милому ребенку и еще более с желанием облегчить заботы бедной ее матери, буквально изнемогающей от тяжести с тремя ребятишками. Жертва для меня тяжелая, почти невозможная, но авось, Бог даст, ее можно будет со временем... освободить от платы».

Умирают многие ровесники, друзья Гончарова. Похороны следуют за похоронами. Когда умер один из товарищей Ивана Александровича по Московскому университету, Е. Барышов, Гончаров написал некролог для газеты «Порядок». Когда же М. Стасюлевич вдруг прислал ему за опубликованный некролог гонорар, Гончаров его возвратил со словами: «Я считаю неприличным брать вознаграждение за нечто вроде эпитафии или напутственных слов, написанных на смерть старого товарища и друга».

В 1882 исполнялось 50 лет литературной деятельности Гончарова. Сам писатель предпринимал все усилия для того, чтобы никаких специальных торжеств не было. Однако чествование все же состоялось в самом конце года. Одним из самых дорогих подарков для Гончарова были столовые часы на мраморном пьедестале с бюстом Марфиньки, любимой героини из «Обрыва». Лично и в печати его поздравили практически все русские литераторы и общественные деятели. Прислали поздравительные телеграммы и бывшие студенты Московского университета. Наверное, очень растрогало Ивана Александровича и посещение делегации русских женщин, вручивших ему поздравительный адрес, в котором, в частности, было сказано: «Читая вас, не только наслаждаешься, но и учишься: у Бабушки житейской мудрости, у Ольги — как любить и с достоинством переносить разочарования, у Веры — как «после горьких опытов, ошибок гордости и неведения» не падать духом, не умяляться, «а возрастая на пути разумной, сознательной жизни». Гончаров ответил письмом: «Вы угадали, что автор

страдал вместе с Бабушкой и Верой, что он разделял муки Райского, скорбел с Ольгой об Обломове, с Обломовым — о нем самом, одним словом, что он, рисуя эти образы, сам жил их жизнью, плакал их слезами!»

В мае 1883 Гончаров составил окончательную редакцию духовного завещания, по которому денежные сбережения передавались воспитанникам Александре, Елене и Василию Трейгутам. Все движимое имущество, кроме вещей, находящихся в кабинете, должно было перейти к их матери, А. Трейгут, а вещи из кабинета — М. Стасюлевичу.

В декабре того же года вышло из печати Полное собрание сочинений Гончарова в восьми томах.

Судя по всему, можно было бы подводить итоги жизни. Однако Гончаров прожил еще почти семь лет — тяжелых, с болезнями, в неумолимо надвигающейся темноте — Гончаров начал слепнуть. Тем не менее он продолжал встречаться с друзьями, помогал молодым землякам с устройством на службе в Петербурге, по мере сил не оставлял и литературных занятий. И несмотря на нездоровье, его не покидало чувство юмора. На экземпляре «Обрыва», подаренном А. Трейгут, он написал: «Александре Ивановне Трейгут, заботливой моей няньке и глаз моих, и денег, и белья, и дел моих рачительнице, и строгой блюстительнице порядка в доме, искусной разливательнице чая и проч. и проч. и прочая на доброе воспоминание о благодарном за ее уход больном старичке и авторе. Май 1884». Стоит обратить внимание на то, что слова эти написаны крупнейшим русским писателем, — без упоминания или очерка о нем не могло уже обойтись ни одно из сочинений по истории русской литературы, даже те, которые были предназначены для гимназистов и студентов.

Гончаров при жизни стал классиком, которого, как говорится, «изучают в школе». В январе 1889 к восьмитомнику Полного собрания прибавился дополнительный, 9-й том.

Последнее произведение Гончарова, очерк «Май месяц в Петербурге», написано в июле 1891, всего за два месяца до смерти.

Его друг, известнейший русский адвокат А. Кони вспоминал, что почти до конца жизни «угасающего автора «Фрегата "Паллада"» по-прежнему тянуло к морю — он должен был сменить далекий и любимый Дуббельн более близкой Усть-Наровой, а затем и Петергофом. Но «с тех пор, как смерть, очевидно уже недалекая, простерла над ним свое черное крыло и своим дыханием помрачила его зрение и затем ослабила его слух, он просветлел духом и проникся по отношению ко всем примирением и прощением, словно не желая унести в недалекий гроб свой какие-либо тяжелые чувства. Он стал трогателен в своем несчастье и, выражаясь словами его любимого поэта, "прост и добр душой незлобной". В этом уединении, принимая только немногих близких знакомых, весь отдавшись заботам о будущем приглубленной им семьи, он ждал кончины со спокойствием усталого от жизни и верующего человека».

Хотя здоровье Гончарова уже давно было расстроено, но последней каплей, скорее всего, явилось воспаление легких, подхваченное им на даче в конце августа 1891. А. Кони посетил его за день до смерти: «...При выражении мною надежды, что он еще поправится, он посмотрел на меня уцелевшим глазом, в котором еще мерцала и вспыхивала жизнь, и сказал твердым голосом: "Нет, я умру! Сегодня ночью я видел Христа, и он меня простил... "».

Иван Александрович Гончаров умер 15 сентября в 12-м часу дня. В течение трех следующих дней квартиру покойного писателя посещает множество народа. «Две небольшие комнатки не могли вмещать в себя приходящих, и длинный хвост их стоял во дворе под воротами... У гроба лежали венки от редакций многих газет и журналов...» — вспоминал современник.

Похоронили Гончарова 19 сентября на Новом Никольском кладбище Александровской лавры. На похоронах присутствовали М. Стасюлевич, А. Кони, А. Майков, Я. Полонский, Д. Григорович, великий князь Константин Константинович, И. Репин и многие, многие другие.

26 августа 1956 прах Гончарова был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища и захоронен поблизости от могил Д. Григоровича и И. Тургенева.